

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 347.440

№ 1 (8) / 2016, с. 24-27

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК НОВАЯ ВЕХА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РФ

Денис Юрьевич Гришмановский

кандидат юридических наук, доцент

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: grishmanovsky@mail.ru

Иван Евгеньевич Гайдук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Российская Федерация

E-mail: radioactive-man@mail.ru

Работа посвящена рассмотрению такого нового понятия, как корпоративный договор. Авторами проанализированы истоки появления данного правоотношения, выявлены положительные и отрицательные стороны. Отдельного внимания заслуживает сравнение корпоративного договора с европейским правопорядком.

Ключевые слова: корпоративный договор, корпоративные отношения, реформирование гражданского законодательства, корпоративное право, гражданское право.

CORPORATE CONTRACTS AS A NEW MILESTONE IN THE CIVIL LAW DEVELOPMENT IN RUSSIA

Denis Grishmanovsky

Candidate of Law, Associate Professor

South Ural State University (National Research University), Cheliabinsk, Russian Federation

E-mail: grishmanovsky@mail.ru

Ivan Gaiduk

Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian

Federation, Cheliabinsk branch, Russian Federation

E-mail: radioactive-man@mail.ru

The article is devoted to a new concept, i.e. a corporate contract. The authors analyze the origins of this relationship, reveal its positive and negative sides. Special attention is given to the comparison of corporate agreement with the European legal order.

Keywords: corporate contract, corporate relations, reform of the Civil Law, Corporate Law, Civil Law.

Реформирование гражданского законодательства не стоит на месте. Много изменений уже было внесено, часть положений только предстоит обсуждать законодателю. В новой редакции Гражданского

кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) было введено такое понятие, как корпоративный договор, закрепляющий общее регулирование для соглашений участников и акционерных соглашений,

объединяя их понятием «корпоративного договора».

Истоки появления данного специфического договорного механизма регулирования корпоративных отношений генетически связаны с корпоративным правом государств англо-американской правовой системы. Первые упоминания о корпоративных договорах встречаются в решениях английских судов 40-х гг. XIX столетия. Начиная с 1825 г., когда Правительством Англии был взят курс на «*laissez aller*» (с англ. досл. полное отсутствие принуждения; неограниченная свобода), акционерные компании, по меткому выражению А.И. Каминки, «оказались подчинеными действию общего права» [1]. Именно тогда корпоративные договоры («*shareholder's agreements*» (соглашения акционеров), как их называли) получили широкое распространение [2].

Новая редакция ГК РФ привнесла много изменений, из которых следует упомянуть следующие. Возможности, предоставляемые ГК РФ, а именно вступившие в силу с 1 сентября 2014 г. изменения в ГК РФ, где в ст. 67.2 и ряде других норм, прописаны понятие, предмет, сфера действия и последствия нарушения корпоративного договора участниками корпораций (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»), а также планируемые изменения, т. е. готовящиеся проекты Минэкономразвития о внесении изменений в законы № 14-ФЗ и № 208-ФЗ для приведения их положений в соответствие с нормами ГК РФ в новой редакции, должны способствовать более активному применению корпоративного договора, так как в недалеком прошлом корпоративные договоры в России до их институционализации в ходе реформ 2008–2009 гг. были встречены судебной системой враждебно, что связано, на наш взгляд, с невозможностью установления четких параллелей с заимствованием опыта государств англо-американской правовой системы.

В российском законодательстве институт акционерного соглашения (применительно к акционерным обществам) и договора об осуществлении прав участников (в отношении обществ с ограниченной ответственностью) впервые был введен в середине 2009 г. Так, в ст. 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ)

было предусмотрено право учредителей (участников) общества заключить договор об осуществлении прав участников общества. А в ст. 32.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ) было установлено право акционеров общества на заключение акционерного соглашения – договора об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции.

До вступления данных положений в силу, несмотря на то, что возможность заключения соглашений между акционерами по российскому праву в принципе не исключалась и могла быть реализована на основании принципа свободы договора, закрепленного ст. 421 ГК РФ, российскими инвесторами и их иностранными контрагентами для урегулирования отношений в рамках совместных предприятий выбиралось право Англии и Уэльса либо страны учреждения иностранного инвестора.

Однако после принятия резонансных решений российских судов по делам АО «Мегафон» и АО «Русский Стандарт Страхование» о признании недействительным соглашений акционеров, подчиненных иностранному праву, поскольку их положения противоречили императивным нормам российского гражданского и корпоративного законодательства, стала очевидна бесперспективность принудительного исполнения таких соглашений (Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 г. № Ф04-2109/2005 (14105-A75-11), Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 декабря 2006 г. по делу № А40-62048/06-81-343).

Наряду с налоговыми льготами на основании соглашений во избежание двойного налогообложения с рядом стран это обстоятельство стало одной из причин использования многоуровневых холдинговых структур, которые позволяют заключать соглашения акционеров по английскому или иному иностранному праву на уровне компаний, учрежденных в таких юрисдикциях, как Республика Кипр.

После вступления в силу изменений в Законы № 14-ФЗ и № 208-ФЗ, вводивших институт акционерного соглашения и договора об осуществлении прав участников, соответствующие конструкции, подчиненные российскому праву, активно используются компаниями с государственным участием, которые осуществляют инвестиции в инновационные или быстрорастущие сферы бизнеса (в частности, ОАО «РОСНАНО» и компаниями группы ВТБ).

В то же время на данный момент нельзя назвать сформировавшейся судебную практику по делам, возникающим из акционерных соглашений и договоров об осуществлении прав участников. Дело в том, что по соответствующей категории дел до сих пор не принято постановлений пленумов ВС РФ [3].

Регулирование отношений между акционерами в рамках данных договоров, заключенных на уровне российских, а не иностранных компаний, учрежденных в офшорных юрисдикциях, также может стать более актуальным в связи с вступлением в силу 1 января 2015 г. Закона о деофшоризации (Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)»).

Делая предварительный вывод о возможной реализации корпоративных договоров в российской гражданско-правовой практике, следует отметить, что их использование в бизнес-практике всегда предшествовало нормативному закреплению как особого правового института.

Появление корпоративных договоров в Англии и США в середине XIX в. было вызвано дефицитом гибких организационно-правовых форм ведения бизнеса и консервативностью судов общего права, не признававших акционерный коммандит, чего не было, например, в Италии и Франции. Ввиду сложившихся сфер применения корпоративные договоры в англо-американской правовой системе получили разграничение на голосующие трасты, голосующие акционерные соглашения, характерные для публичных компаний, и акционерные соглашения, сфера использования которых локализована в закрытых корпорациях, а предмет регулирования включает, в отличие от первой группы, помимо прав голоса по акциям и права собственности на акции, вопросы структуры управления компанией [2].

Однако, несмотря на дифференцированный режим регулирования данных договоров, они следуют единой цели – эффективному распределению корпоративного контроля, которая достигается как ограничением права голоса из акции, так и посредством договорного изменения структуры органов управления.

Применимо к нынешней редакции ГК РФ, можно проиллюстрировать влияние, которое оказывает данное соглашение. Так, например, что касается хозяйственного общества,

участники, заключившие корпоративный договор, обязаны уведомить общество о факте заключения корпоративного договора, при этом его содержание раскрывать не требуется. В случае неисполнения данной обязанности участники общества, не являющиеся сторонами корпоративного договора, вправе требовать возмещения причиненных им убытков. В публичном акционерном обществе информация о корпоративном договоре должна быть публично раскрыта. Если корпоративный договор определяет иной объем правомочий участника непубличного акционерного общества, чем пропорционально его доле участия в уставном капитале, сведения о наличии такого договора и о предусмотренном им объеме правомочий участников общества должны быть внесены в ЕГРЮЛ.

Также к важным нововведениям надо отнести возможность оспаривания корпоративных решений и даже некоторые сделки, противоречащие корпоративному договору. Нарушение корпоративного договора может являться основанием для признания недействительным решения органов хозяйственного общества по иску стороны данного договора при условии, что на момент принятия соответствующего решения сторонами корпоративного договора являлись все участники хозяйственного общества.

Однако отметим, что признание решения недействительным само по себе не влечет недействительности сделок общества с третьими лицами, совершенных на основании такого решения.

Сделка, заключенная стороной корпоративного договора в нарушение этого договора, может быть признана судом недействительной по иску участника корпоративного договора только в случае, если другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях, предусмотренных корпоративным договором. Изменение заключается в том, что в настоящий момент у стороны акционерного соглашения или соглашения участников есть только возможность прибегнуть к ответственности, установленной в таком соглашении, и к возмещению убытков.

Как видно из данных изменений, корпоративный договор привносит множество новых способов решения возникших вопросов между участниками общества, которые входят в сферу свободы договора, однако эти изменения в данной редакции содержат в себе и скрытые угрозы.

По мнению Е.А. Суханова, корпоративный договор таит в себе угрозу создания «модели

масонской ложи», а именно в сокрытии ООО своих договоренностей [3].

Другие угрозы становятся видны, если проанализировать п. 1 ст. 66 ГК РФ, где общим правилом провозглашен принцип пропорциональности: сколько собственник внес имущества в капитал корпорации, столько он получает и доходов, и убытков, и голосов. Но там же говорится, что все это можно изменить уставом или корпоративным договором, перераспределив доходы и убытки по-другому.

Например, одному участнику достанутся все доходы, а другому – все убытки. Это свобода договора, и два частных собственника могут договориться о чем угодно.

Более того, согласно п. 9 ст. 67.2 ГК РФ в корпоративном договоре могут участвовать и третьи лица, которые не являются участниками корпорации. Ничего не внося в уставный капитал, по корпоративному договору они получают право голосовать, получать дивиденды и управлять деятельностью общества, ничем не рискуя. При этом договор может оставаться тайной. Кто же эти третьи лица? Ими могут быть банки, которые выдали кредит обществу и хотят, чтобы оно действовало под их контролем.

Но Е.А. Суханов предусматривает другой вариант «вмешательства» со стороны крупных чиновников и депутатов, которым нельзя заниматься коммерческой деятельностью [3].

После долгих споров в качестве компромисса удалось сформулировать в ст. 67.2 ГК РФ, что участвовать в корпоративном договоре могут только те из третьих лиц, которые имеют законный интерес, а также что о факте заключения корпоративного договора обществу должно быть объявлено. Но содержания его никто, кроме его сторон, не узнает.

В европейских правопорядках такие договоры используются, но при этом на практике они не дают возможности участия третьим лицам и не позволяют ломать структуру общества. В рамках корпоративного договора акционеры могут договориться о том, как они будут голосовать на общем собрании, и если кто-то из акционеров, принявших участие в договоре, его нарушит, то другие имеют право взыскать с нарушителя убытки.

Из этого можно заключить всю двойственность корпоративного договора для правовой действительности российского гражданского права.

Примечания

1. Каминка А. И. Акционерные компании: юридическое исследование. – СПб. : Тип. Е.А. Ландау, 1902. – Т. 1. – 224 с.
2. Варюшин М. С. Генезис и эволюция корпоративных договоров в корпоративном праве Англии и США // Законодательство и экономика. – 2013. – № 9. – С. 63-69.
3. «Перезагрузка» корпоративных отношений в контексте реформы ГК // Объединение корпоративных юристов. – Режим доступа: <https://www.rcca.ru>.